

Н. В. ПАВЛЮК

О ЯЗЫКЕ ПЕРВЫХ ГЛАВ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» был воспринят современной поэту критикой как «феномен в истории русского языка и стихосложения». Именно так оценивал это произведение критик «Московского вестника». Его не поразили ни образы, ни тема, ни сюжет, ни, наконец, даже идейная целенаправленность. Особое впечатление на него произвел язык. Действительно, если проанализировать языковое оформление строф, то поражает крайнее однообразие рифм: занемог — не мог, забавлять — поправлять (гл. I, строфа I), хранила — ходила, бранил — водил (гл. I, строфа III), писал — танцевал (гл. I, строфа IV), сказать — разбирать (гл. I, строфа VI), щадить — отличить, богатеет — имеет (гл. I, строфа VII), лицемерить — верить, ревновать — изнывать (гл. I, строфа X) и т. д. Что это за рифмы? Тем более у Пушкина, который до этого поражал неожиданностью рифм, новаторством, мастерством.

Более того, встречаются места, где поэт повторяется, причем в соседних строфах. Сравните: сменил — мил (гл. I, строфа III), решил — мил (гл. I, строфа IV). Таких примеров немало.

Но, несмотря на это, красота и непринужденность пушкинского слога волнуют, захватывают, и читателю нет никакого дела до всех этих примитивных глагольных рифм и повторений. Все это удается поэту потому, что он поставил перед собою задачу отобразить современные ему события в непринужденной беседе с читателем.

Пушкин уходил от романтики, поэт основывал новый метод — метод критического реализма. Необходимо было пока-

зять жизнь такой, какова она в действительности, и показать новыми средствами все того же необъятного и, как казалось, унифицированного русского языка. И гений Пушкина состоял именно в том, что он, не выдумывая ничего нового, не создавая никаких новых слов и грамматических конструкций, сумел отобрать из языка все то, что знаменовало собой целое новое литературное направление. Пушкин сделал это настолько непревзойденно и исчерпывающе, что таланты, которые пришли ему на смену в более позднее время (мы имеем в виду, скажем, С. А. Есенина и особенно В. В. Маяковского), должны были заниматься новаторством в области языка и стихосложения. Другими словами, новаторство Маяковского в области стихосложения, очевидно, было вызвано в первую очередь его новаторством в области языка. Пушкин этого никогда не делал. Он верил в неисчерпаемость народной русской речи и умел, не привнося в нее ничего от себя, выбрать необходимое для своих замыслов. «...Язык неистощим в соображении слов», — писал Пушкин¹. Само собою разумеется, что все это ни в коем случае не умаляет достоинств В. В. Маяковского. Может быть, это парадоксально, но Пушкину, очевидно, после Державина и Батюшкова было гораздо легче писать, нежели В. Маяковскому после Пушкина и Лермонтова. А задачи у Маяковского по созданию нового направления в области стихосложения были, пожалуй, сложнее пушкинских.

Но вернемся к первым главам романа в стихах. Название жанра (роман в стихах) мы подчеркиваем потому, что Пушкин ставил перед собой задачу ввести такой жанр, и он его ввел, создал, пользуясь языковыми средствами.

Мы говорили о «примитивных» на первый взгляд, глагольных рифмах «Онегина». Но это далеко не так.

Обратимся к одной строфе первой главы, которая, начиная с третьей строчки, создается поэтом в Одессе:

*Придет ли час моей свободы?
Пора! Пора! зываю к ней;
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России.
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.*

¹ А. С. Пушкин. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». Полное собрание сочинений, т. 11. Изд.-во АН СССР, 1949, стр. 59.

Вот «глагольный» узор строфы:

Придет ли	взываю	
	жду	
Брожу		
Маню	начну	
	покинуть	
Вздыхать	страдал	любил
		похоронил

Ведь здесь все как будто строго математически рассчитано. Строфа начинается короткими предложениями (без подлежащего: «...взываю к ней, Брожу над морем, жду погоды, Маню ветрила кораблей») и оканчивается также короткими предложениями (с подлежащим, ибо форма глагола прошедшего времени этого требует: «Где я страдал, где я любил, Где сердце я похоронил»).

Кроме того, этот сложный синтаксический период усложнен внутри глаголами «начну» (подкрепляет брожу, жду, маню), «покинуть», «вздыхать» — как бы переход к заключительному построению («где я страдал» и т. д.).

Таким образом, за этой кажущейся примитивной простотой скрывается напряженная языковая работа. Это не единственная строфа романа, таких строф слишком много, чтобы говорить о какой-то единственной удаче автора, да кроме того в черновых вариантах она выглядела совсем по-другому. Сравните:

1. О скоро ль час моей свободы.
2. Когда ж — скорей.
3. Призывный ропот океана.
4. Ужели вечный житель я, —

и т. д.

то есть в первых черновых вариантах мы не находим этих глагольных построений.

На основании этого можно сделать единственный вывод, что частое повторение глаголов цементировало онегинскую строфу, делало ее предельно простой, но безукоризненно отточенной и завершенной. Здесь даже есть определенная диалектика, единство противоположностей — простые глагольные формы и рифмы создают сложную и завершенную структуру. К сожалению, этого не понимали романтики. И без того сложную, а иногда запутанную тему они пытались передавать сложными грамматическими построениями и усложненной лексикой. В этом отношении романтики были последовательны, что вредило им. Пушкин первый осознал эту противоречивость и сумел гениально воспользоваться ею. Поэт не случайно обратился к глаголу.

Еще Ф. И. Буслаев писал: «Основными корнями в образо-

вании частей речи знаменательных бывают корни глагольные, от которых происходят как глаголы, так и имена существительные и прилагательные»².

Само собою понятно, что сейчас никто из современных лингвистов не считает глагольные корни основными, то есть такими, от которых происходят другие полнозначные части речи. Но во времена Пушкина, да и после него, такое мнение было общепринятым. Достаточно вспомнить в связи с этим высказывания и защиту Пушкиным таких существительных, как *молвь*, *шип*, *хлоп* и т. д.

В своих стихах Пушкин сумел не только увидеть, но и показать основное в глаголе — его выразительную динамику, богатство видовых оттенков, сложную синтетичность и собранность. Ведь славянский глагол, в отличие от глагола других индоевропейских языков, как раз и отличается тем, что он вобрал в себя множество грамматических форм и оттенков. И Пушкин это осознал. Достаточно только обратиться к ярким примерам использования поэтом богатой и сложной славянской категории вида, чтобы убедиться в этом. А. С. Пушкин не скажет «узнав издалека», а «*предузнав издалека*» (гл. I, строфа LI) или «Сначала все к нему езжали», а не ездили (гл. II, строфа V), «писывала кровью» (гл. II, строфа XXXII) и т. п.

Далее Пушкин сумел, как никто до него, подобрать яркие и образные эпитеты к глаголам: «стремглав поскакал» (гл. I, строфа LI), «простодушно обнажал» (гл. II, строфа XIX), «самодержавно управлять» (гл. II, строфа XXXII), «служанок била осердясь» (там же), «говорила нараспев» (гл. II, строфа XXXIII), «любил сердечно, веровал беспечно» (гл. II, строфа XXXIV), «умильно роняли слезы» (гл. II, строфа XXXV). И так в каждой строфе каждой главы. Таким образом, глагольные формы выступали у поэта неизолированно, они осложнялись меткими и образными определениями. И это показатель в том отношении, что даже и сейчас, когда речь заходит об эпитетах, то под ними подразумевают главным образом прилагательные, которые определяют и поясняют существительные. Это художественное определение А. С. Пушкин понимал гораздо шире и переносил его на глагольную категорию.

Можно было бы привести еще много примеров тонкого понимания Пушкиным значения категории глагола для художественного и образного воссоздания действительности. Но нельзя забывать указания акад. В. В. Виноградова о том, что, «стремясь к концентрации живых сил русской национальной культуры речи, Пушкин, прежде всего, произвел новый, ориги-

² Ф. И. Буслаев. Учебник русской грамматики. Изд. 3. М., 1873, стр. 30.

нальный синтез (выделено мною. — Н. П.) тех разных социально-языковых стихий, из которых исторически складывается система русской литературной речи и которые вступали в противоречивые отношения в разнообразных диалектологических и стилистических столкновениях и смешениях до начала XIX в.»³ В. В. Виноградов прав, когда говорит о том, что таковыми были церковнославянизмы, европеизмы и элементы живой русской речи. Но нам кажется, что указанный синтез состоял не только в этом. «Евгений Онегин» убедительно свидетельствует о том, что А. С. Пушкин превосходнейшим образом сумел сочетать и синтезировать все грамматические средства великого русского языка. Мы говорили о глаголе, но в таком же плане и с такой же оценкой мы могли бы говорить и о других частях речи или же всякого рода синтаксических построениях и конструкциях. В этом отношении обращают на себя внимание беспредложные конструкции типа «клонит слух прилежный рассказам юных усачей» (гл. II, строфа XVIII).

Таким образом, кроме проблемы синтеза разных социально-языковых стихий, которые В. В. Виноградов сводит почему-то главным образом к лексике, существует, очевидно, еще одна проблема — проблема синтеза грамматических средств пушкинского языка. Пожалуй, нельзя ставить вопрос о том, какая из этих проблем является более важной. Очевидно, они важны в одинаковой мере для выяснения языка А. С. Пушкина в целом, и перед пушкинистами, которые специально занимаются вопросами языка гениального поэта, стоит задача разрешить эти две чрезвычайно важные проблемы.

³ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 227.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961